

оригинальная статья

Аномалии в конституционно-правовом пространстве современной России

Аничкин Евгений Сергеевич

Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул

<https://orcid.org/0000-0001-5432-8958>

rrd231@rambler.ru

Поступила в редакцию 06.12.2021. Принята после рецензирования 27.12.2021. Принята в печать 17.01.2022.

Аннотация: Рассматриваются конституционно-правовые аномалии, являющиеся серьезным препятствием на пути эффективного правового регулирования общественных отношений и устойчивого правового развития современной России. Исследованы такие виды аномалий, как дуализм номинального конституционного права и реальности, интерпретационные и правоприменительные отклонения от формальной конституционно-правовой нормы, нормативные противоречия, пробелы и иные формально-юридические дефекты отдельных источников и норм конституционного права. Каждая из аномалий осмысливается на основе исторического, сравнительного, системно-структурного, формально-юридического методов исследования конституционно-правовой доктрины, действующего законодательства и правоприменительной практики Конституционного Суда РФ. Сделан вывод, что слабая изученность конституционно-правовых аномалий, сложность и дискуссионность данной проблематики и практическая актуальность заявленной темы свидетельствуют о необходимости ее дальнейшего исследования. В качестве примечательных особенностей конституционно-правовых аномалий выделяются тесная связь с Конституцией РФ, особая сфера действия, специфическое содержание, высокий отрицательный эффект для всей правовой системы России. Дальнейший анализ конституционно-правовых аномалий позволит создать адекватные меры по их предотвращению и устранению, что обеспечит устойчивое правовое развитие нашей страны и формирование правового государства.

Ключевые слова: правовая аномалия, фиктивность, отклонение, противоречие, пробел, дефект, эффективность, конституция, устойчивое развитие

Цитирование: Аничкин Е. С. Аномалии в конституционно-правовом пространстве современной России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 1. С. 42–48. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-1-42-48>

original article

Anomalies in the Constitutional and Legal Space of Modern Russia

Evgeniy S. Anichkin

Altai State University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0001-5432-8958>

rrd231@rambler.ru

Received 6 Dec 2021. Accepted after peer review 27 Dec 2021. Accepted for publication 17 Jan 2022.

Abstract: The article examines constitutional and legal anomalies that prevent effective legal regulation of social relations and sustainable legal development in modern Russia. The research featured such types of anomalies as the dualism of nominal constitutional law and reality, interpretive and law enforcement deviations from the formal constitutional legal norm, normative contradictions, gaps, and other formal legal defects of certain sources and norms of constitutional law. The study was based on historical, comparative, systemic-structural, and formal-legal methods of studying the constitutional and legal doctrine, as well as the current legislation and law enforcement practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. Constitutional and legal anomalies appeared to be a complex and controversial issue of great practical relevance that requires further research. Constitutional and legal anomalies proved to have a close connection with the Constitution of the Russian Federation, a special sphere of action, and specific content. They produce a negative effect on the entire legal system of Russia. New measures will prevent and eliminate anomalies, thus ensuring sustainable legal development.

Keywords: legal anomaly, fictitiousness, deviation, contradiction, gap, defect, efficiency, constitution, sustainable development

Citation: Anichkin E. S. Anomalies in the Constitutional and Legal Space of Modern Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(1): 42–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-1-42-48>

Введение

Неизменной актуальностью в юридической науке отличаются вопросы совершенствования правового регулирования и повышения качества права. Однако их решение вряд ли возможно без взвешенного осмысления факторов, препятствующих нормальному правообразованию и эффективному действию права. Среди таких факторов заметное место занимают правовые аномалии, выступающие одной из угроз устойчивого развития любой страны. Аномалии представляют собой объективную и естественную сторону правовой жизни. Одна сторона правовой жизни – это нормальное состояние права, его принципов, институтов, источников, норм и соответствие ему поведения субъектов права, общественных отношений и фактов. Но другая неизбежная сторона жизни права – всевозможные отклонения от его нормального, правильного состояния, «оказывающие негативное влияние на процессы формирования и действия права как регулятора общественных отношений» [1, с. 146]. Все эти отклонения, несоответствия мы предлагаем именовать собирательным термином *правовая аномалия* или *аномалия в праве*.

Результаты

Вопрос об аномалиях в праве слабо исследован в юридической науке. Исследователь А. В. Петров, специально занимавшийся данным вопросом, пришел к выводу, что аномалия права – это «отклонения в содержании права, необходимых связях его элементов и формах, которые носят для права как целенаправленной предметной деятельности случайный и произвольный характер» [2, с. 177]. Взяв за основу данное определение, сделаем оговорку, что иногда аномалия права понимается в широком смысле слова, т. е. включает в себя и общественно полезные, позитивные отклонения в праве [3]. В настоящей статье предметом исследования выступают именно негативные аномалии, которые обнаруживаются в различных отраслях права. Ввиду того, что конституционное право представляет собой ведущую отрасль отечественного права, а конституционно-правовые аномалии имеют системообразующее значение для всей правовой системы России, они представляют научный интерес в первую очередь. Полагаем возможным выделить пять видов конституционно-правовых аномалий. Некоторые из них могут воспроизводиться и в иных отраслях права, но в конституционном праве имеют особое наполнение, обусловленное отраслевой спецификой.

1. Дуализм конституционного права и реальности

Формально-фактический разрыв возникает между нормой конституционного права и действительностью,

реалиями общественной жизни. Наиболее рельефно это просматривается на примере конфликта конкретных норм Конституции РФ и неформальной общественной практики [4; 5]. Устремленность норм конституции в будущее или, напротив, их консерватизм порождают фиктивность основного закона, его оторванность от реальной практики. Например, развитие нашей страны в начале текущего столетия нейтрализовало потенциал ряда положений российской Конституции. На фоне активных изменений государственной политики устаревший и фиктивный характер обрели нормы о договорном способе разграничения компетенции между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ (ч. 3 ст. 11), о сфере остаточного ведения регионов (ст. 73), о республике как государстве в составе РФ (ч. 2 ст. 5), об осуществлении исполнительной власти в РФ только Правительством РФ (ч. 1 ст. 110) и ряд других. Отказ от внутрифедеративных договоров, заметное сужение сферы остаточного ведения субъектов РФ, унификация правового статуса субъектов РФ, фактическое осуществление исполнительной власти не только Правительством РФ, но и Президентом РФ, а также его полномочными представителями в федеральных округах стали закономерностями общественно-политической жизни современной России, вступающими в расхождение с сохраняющей юридическую силу «буквой» Конституции РФ.

2. Интерпретационные и правоприменительные отклонения от формальной конституционно-правовой нормы

Наиболее рельефно такие отклонения просматриваются на примере норм Конституции РФ. Они представляют собой различие между буквальным смыслом конституционных норм, с одной стороны, и их смысловым развитием в текущем законодательстве и толковании в рамках правоприменительной практики Конституционного Суда РФ (КС РФ), с другой стороны. По сути, иногда нормы Основного закона получают «иное прочтение» и интерпретацию в федеральных конституционных законах, федеральных законах, постановлениях и определениях КС РФ [6–8]. При этом не всегда формальное различие между текстом действующей Конституции и преобразующим его смысл законом или правовой позицией КС РФ влечет за собой негативный правовой эффект. Например, посредством ряда решений КС РФ было заметно увеличено количество объектов проверки на конституционность по линии абстрактного и конкретного нормоконтроля по сравнению с положениями ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 «О Конституционном Суде

Российской Федерации»¹. Объектами абстрактного нормоконтроля стали федеральные конституционные законы и законы субъектов РФ по вопросам их остаточного ведения, а в качестве объектов конкретного нормоконтроля – федеральные конституционные законы, постановления Верховного Совета РФ о порядке введения в действие законов, отмененные или утратившие силу законы, постановления Государственной Думы об амнистии. В приведенном примере наблюдается несоответствие формально-юридического характера, но вряд ли можно вести речь о погрешности смысла нормы Основного закона.

Однако конституционная практика демонстрирует и факты неудачного, негативного соотношения «буквы» Конституции РФ и ее обновленного смысла. Так, Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»² иллюстрирует ограничение буквального смысла нормы основного закона. Он принят на основе ч. 2 ст. 65 Конституции РФ, согласно которой «принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта осуществляются в порядке, установленном федеральным конституционным законом». Буквальное понимание термина *образование* в данном контексте позволяет вести речь о таких случаях, как объединение субъектов РФ, разделение субъекта РФ на два и более новых субъекта РФ, выделение одного субъекта РФ из состава другого. Вместе с тем ч. 1 ст. 5 названного Закона предусматривает образование в составе РФ нового субъекта только в результате объединения двух и более граничащих между собой субъектов РФ. В данном примере законодатель отождествил категории *образование* и *объединение*, хотя первая по смыслу является более широкой.

3. Противоречия в нормативно-правовой системе

Для российского конституционного права конца XX – первых двух десятилетий XXI в. характерны противоречия общеправового и собственно отраслевого характера. В литературе к общим противоречиям в рамках правовой системы относят, в частности, противоречие между динамикой развития общественных отношений и стабильностью правовой системы, между тенденцией к установлению единообразия правовых норм и необходимостью учета отраслевых и местных особенностей, между дифференциацией законодательства и его интеграцией [9]. Предметом нашего рассмотрения являются специальные противоречия, характерные для конституционного права как отрасли права. На наш взгляд, можно выделить по меньшей мере три вида

таких противоречий: внутритекстуальные; иерархические; пространственные.

А. Внутритекстуальные. Противоречия в рамках отдельного нормативного правового акта могут быть показаны на примере Конституции РФ как основного источника конституционного права. При этом обоснованно вести речь о противоречиях между гл. 1 «Основы конституционного строя» и положениями других глав Конституции РФ, между положениями глав со 2 по 9 Конституции РФ и между отдельными конституционными ценностями в рамках гл. 1. В первом случае это, к примеру, противоречие между принципом равноправия субъектов РФ (ч. 1 ст. 5) и правом республик устанавливать свои государственные языки (ч. 1 ст. 68), правом автономной области, автономного округа инициировать принятие федерального закона об автономной области или соответствующем автономном округе (ч. 3 ст. 66). Во втором случае обоснованно указать, например, на противоречие между п. «а» ст. 71 и ст. 136: п. «а» ст. 71 относит к предмету ведения РФ изменение федеральной Конституции, в то время как ст. 136 предусматривает, что поправки к главам 3–8 Конституции РФ вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов Федерации. В третьей ситуации КС РФ в ряде своих актов решал вопрос о преодолении конфликта между отдельными конституционными ценностями, нашедшими отражение в гл. 1 Основного закона (социального государства и рыночной экономики, государственного суверенитета и приоритета международного права над национальным правом, признания прав и свобод человека высшей ценностью и безопасностью государства) [10].

В. Иерархические. Стандартными для различных отраслей права являются противоречия между нормативными правовыми актами, имеющими разный уровень юридической силы. Конституционное право не является исключением, но обладает специфическим наполнением коллизий по иерархическому критерию. Главным образом оно сводится к противоречию между нормами Конституции РФ как акта, обладающего высшей юридической силой, и нормами иных правовых актов, а в прошлом и положениями договоров [11, с. 28] о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ. Практика КС РФ³ свидетельствует о том, что нормы «подконституционных» актов нередко признаются в той или иной мере не соответствующими Конституции России, что влечет за собой утрату ими

¹ О Конституционном Суде РФ. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ. СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

² О порядке принятия в РФ и образования в ее составе нового субъекта РФ. Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ. СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4916.

³ Постановление КС РФ от 13.04.2017 № 11-П по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 40, ч. 10 и 11 ст. 42 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», п. 2 и 3 ч. 1 ст. 128 и ч. 10 ст. 239 Кодекса административного судопроизводства РФ в связи с жалобой граждан И. А. Трунова и М. В. Юревича. СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2655; Постановление КС РФ от 13.01.2020 № 1-П по делу о проверке конституционности ч. 2 и 3 ст. 13, п. 5 ч. 5 ст. 19 и ч. 1 ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р. Д. Свечниковой. СЗ РФ. 2020. № 3. Ст. 275.

юридической силы. Равным образом в рамках системы законодательства субъекта РФ наиболее высоким уровнем юридической силы обладает его конституция или устав.

С. Пространственные. Для отраслей права, регулирующих вопросы совместного ведения РФ и ее субъектов, характерны противоречия между нормативными правовыми актами федерального и регионального уровней. Конституция РФ (ч. 5 ст. 76) устанавливает приоритет федеральных законов, принятых по предметам совместного ведения, над законодательством субъектов РФ, что обуславливает более высокую юридическую силу первых и первичность их применения. В этом смысле конституционное право имеет сходство с административным, трудовым, семейным и другими отраслями права (п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ), но сами противоречия имеют особое конституционно-правовое отраслевое содержание. Однако следует сделать важную оговорку: в настоящее время этот вид противоречий утратил актуальность, поскольку они были устранены, но он выступал атрибутом отечественного конституционно-правового пространства в 1990-е гг. При этом ключевое значение для всей правовой системы страны имели многочисленные противоречия между Конституцией РФ и конституциями отдельных республик в составе РФ (Татарстан, Башкортостан, Тыва, Адыгея, Карелия, Саха (Якутия), Карачаево-Черкесия), грубо нарушавших положения федерального Основного закона [12; 13].

4. Пробелы в конституционном праве

Думается, они могут иметь два основных проявления: отсутствие отдельных источников конституционного права, обусловленных прямым предписанием или реальными потребностями правового регулирования тех или иных отношений, и нормативные пустоты в рамках конкретного источника конституционного права.

За весь период действия Конституции РФ было принято подавляющее большинство прямо предусмотренных ей федеральных конституционных законов и федеральных законов. Однако до сих пор не приняты федеральные конституционные законы о Конституционном Собрании (ч. 2 ст. 135) и об изменении статуса субъекта РФ (ч. 5 ст. 66). Также ожидают своего принятия законы, хотя и прямо не предусмотренные федеральной Конституцией, но вытекающие из смысла отдельных ее норм. Например, из положений ч. 1 ст. 85 Конституции РФ следует целесообразность принятия федерального закона «О процедурах преодоления разногласий и разрешения споров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации» [14]. Очевидно, такое положение свидетельствует о незавершенности реализации

отдельных норм Конституции РФ и обусловленной этим неполноте конституционно-правового регулирования.

Второе проявление пробельности может быть продемонстрировано на примере действующей Конституции РФ. Определенным недостатком основного закона является как «недосказанность» его отдельных положений, так и отсутствие ряда стандартных для современных конституций норм. В положениях ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, согласно которым «разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративными и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий», не упоминается федеральный закон, хотя он был и остается основным источником правового регулирования данных отношений. Или ст. 33, в соответствии с которой правом на обращение обладают только граждане РФ, но не иностранцы и апатриды. Неудивительно, что принятый 02.05.2006 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» устранил это упущение и распространил свое действие по кругу лиц на иностранцев и апатридов (ч. 3 ст. 1)⁴.

В то же время надо признать, что пробелы устраняются с помощью поправок к Конституции РФ. Так, благодаря поддержанному в результате всенародного голосования 01.07.2020 проекту Закона РФ о поправке к Конституции РФ №885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁵ в Конституции РФ появилась норма о принципах внешней политики России (ст. 79.1), поскольку столь важный вопрос на конституционном уровне до этого не регулировался.

5. Иные формально-юридические дефекты отдельных источников и норм конституционного права

Полагаем, в их число могут быть включены неоднозначность используемых в нормах терминов и понятий и иная смысловая неопределенность норм, избыточный объем регламентации, несовершенство структуры нормативного правового акта (в том числе нестыковка названия структурного элемента и содержащихся в нем норм), а также положения, допускающие необоснованно широкие пределы усмотрения субъектов права.

Например, используемый в Конституции РФ термин *закон* имеет по меньшей мере три смысловых значения: в одних случаях используется в значении «совокупность нормативных правовых актов» (ст. 54), в других – в значении «любой источник юридических норм» (ч. 1 ст. 19), в остальных – в точном его значении, обозначающем одноименный акт, принятый Государственной Думой, одобренный Советом Федерации и подписанный

⁴ О порядке рассмотрения обращений граждан РФ. ФЗ № 59-ФЗ от 02.05.2006. СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

⁵ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти. Проект Закона РФ о поправке к Конституции РФ № 885214-7 от 11.03.2020. СПС КонсультантПлюс.

Президентом РФ (ч. 3 ст. 55). Смысловая неопределенность отдельных норм Конституции РФ не раз побуждала уполномоченных субъектов к обращению в КС РФ с запросами о ее толковании⁶.

К тому же в Основном законе немало поливариантных, рамочных норм, которые могут быть наполнены разным смысловым содержанием в зависимости от складывающейся общественно-политической и экономической обстановки. В соответствии с ч. 3 ст. 80 Конституции РФ «Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства». Однако открытым остается вопрос о природе такой политики, которая может колебаться в диапазоне от демократической до авторитарной. На рамочный характер ряда положений Конституции РФ указывали даже ее авторы. Например, С. М. Шахрай отмечал, что Основной закон «не содержит препятствий для практического воплощения самых различных вариантов решений, касающихся различных сторон политической жизни страны» [15, с. 47].

Избыточный объем правовой регламентации стал в последние 10–15 лет тенденцией в развитии федерального законодательства по предметам совместного ведения РФ и ее субъектов. В частности, федеральные законы «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» вопреки их названию представляют собой детальное регламентирование соответствующих отношений, почти не оставляющее места для регионального законодательства. Постоянное наращивание объема федерального правового регулирования по предметам совместного ведения представляет собой серьезное злоупотребление правом со стороны Федерации и нарушение баланса правового обеспечения этой сферы.

Иллюстрацией необоснованно широкого усмотрения в рамках конкретных норм права [16] может стать вышеупомянутый Закон РФ о поправке к Конституции РФ № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [17, с. 27]. На его основе в положениях трех статей ч. 4 Конституции РФ (статьи 111, 112 и 117) возможность роспуска Государственной Думы РФ поставлена в зависимость от политического усмотрения Президента РФ, от того, что он считает более целесообразным: прекратить деятельность нижней палаты парламента или сохранить действующий состав Государственной Думы. Примечательно, что решение этого важнейшего политического вопроса не обусловлено формальным установлением каких-либо критериев выбора Президентом РФ того или иного варианта поведения.

Дискуссия

Основные различия в доктринальном осмыслении конституционно-правовых аномалий сводятся к следующему.

1. Обращают на себя внимание разные рамки понимания этого явления. Если одни ученые, к числу которых относится и автор настоящей статьи, рассматривают аномалии в узком смысле этого слова, относя к ним только негативные отклонения от нормального состояния права, то другие (С. Б. Нанба, А. Е. Помазанский, Ф. В. Цомартова) дефиницируют аномалии как более широкую по смыслу правовую категорию, включающую в себя позитивные, допустимые отклонения от нормы. Особенно это заметно на примере повышения стандарта конституционных прав и свобод человека и гражданина на уровне субъектов РФ [18].

2. Наблюдается разное содержательное наполнение правовых аномалий. Автор статьи полагает правильным инкорпорировать в число аномалий только формально-юридические, собственно нормативные явления. В то же время встречаются точки зрения о таких составных частях аномалий, как отклонения действующего права от юридической доктрины [19, с. 38–39], неформальное право [20, с. 81–82], теневое право [21].

3. Имеет место неодинаковая оценка аномалий. Большинство ученых усматривают в них сугубо отрицательный смысл и эффект, но некоторые оценивают определенные аномалии положительно. Например, Т. М. Пряхина положительно оценивает пробелы в Конституции РФ [22], а В. Г. Гюлумян вообще отрицает возможность существования пробелов в тексте Основного закона [23, с. 31].

Слабая изученность конституционно-правовых аномалий, сложность и дискуссионность данной проблематики и практическая актуальность заявленной темы, несомненно, свидетельствуют о необходимости ее дальнейшего исследования.

Заключение

Полагаем, для конституционного права современной России характерны несколько видов аномалий, каждая из которых имеет особое содержательное наполнение. Все они в той или иной мере связаны с Конституцией РФ как ключевым и учредительным актом в правовой системе России, а от того имеют повышенную значимость. Видовое разнообразие аномалий может различаться, но неизменным остается их отрицательный эффект, оказывающий негативное воздействие на развитие конституционного права, а через него и на всю российскую правовую систему. Поэтому выявление и анализ таких аномалий позволит создать адекватные меры по их предотвращению и устранению, что будет способствовать успешному и устойчивому правовому развитию нашей страны.

⁶ По делу о толковании ч. 2 ст. 137 Конституции РФ. Постановление КС РФ № 15-П от 28.11.1995. СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4868; По делу о толковании положений ч. 4 ст. 111 Конституции РФ. Постановление КС РФ № 28-П от 11.12.1998 СЗ РФ. 1998. № 52. Ст. 6447.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Нанба С. В. Право: модели и отклонения. *Журнал российского права*. 2014. № 6. С. 145–149.
Nanba S. V. Law: patterns and deviations. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2014, (6): 145–149. (In Russ.)
2. Петров А. В. Аномалии права: понятие и природа. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2015. № 1. С. 170–180.
Petrov A. V. Anomalies of law: concept and nature. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2015, (1): 170–180. (In Russ.)
3. Нанба С. В., Помазанский А. Е., Цомартова Ф. В. Позитивные отклонения в праве. *Журнал российского права*. 2015. № 5. С. 26–36. <https://doi.org/10.12737/10716>
Nanba S. V., Pomazanskiy A. E., Tsomartova F. V. Positive modifications in law. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2015, (5): 26–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/10716>
4. Мазуров А. В. Конституция и общественная практика. М.: Частное право, 2004. 367 с.
Mazurov A. V. *Constitution and social practice*. Moscow: Chastnoe pravo, 2004, 367. (In Russ.)
5. Мухачёв И. В. Проблемы гомеостаза в теории и практике российского конституционного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 321 с.
Mukhachev I. V. *Problems of homeostasis in the theory and practice of Russian constitutional law*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 1999, 321. (In Russ.)
6. Васильев В. И. О динамике и стабильности конституции. *Конституция и законодательство: по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29 октября 2003 г.)*. М.: Олита, 2003. Кн. 1. С. 86–93.
Vasiliev V. I. On the dynamics and stability of the constitution. *Constitution and legislation: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 29 Oct 2003*. Moscow: Olita, 2003, book 1, 86–93. (In Russ.)
7. Митюков М. А. О преобразовании Конституции Российской Федерации. *Право и власть*. 2001. №1. С. 105–112.
Mityukov M. A. On the transformation of the Constitution of the Russian Federation. *Pravo i vlast*, 2001, (1): 105–112. (In Russ.)
8. Невинский В. В. «Преобразование» Конституции РФ: понятие, способы, пределы. *Конституционно-правовые основы реформирования и развития органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации*, отв. ред. И. А. Кравец, В. С. Курчев. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 8–18.
Nevinskiy V. V. "Transformation" of the Constitution of the Russian Federation: concept, methods, and limits. *Constitutional and legal foundations for the reform and development of public authorities and local self-government in the Russian Federation*, eds. Kravets I. A., Kurcheev V. S. Novosibirsk: NSU, 2005, 8–18. (In Russ.)
9. Дзыбова С. Г. Общие закономерности и противоречия правовой системы общества. *Российская юстиция*. 2011. № 2. С. 50–53.
Dzybova S. G. General patterns and contradictions of the legal system of society. *Rossiiskaia iustitsiia*, 2011, (2): 50–53. (In Russ.)
10. Аничкин Е. С., Рудт Ю. А. Конституционное балансирование в России: право и перспективы. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 55. С. 80–100. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.5.80.100>
Anichkin E. S., Rudt Yu. A. Constitutional balancing in Russia: practice and perspectives. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, 2019, (55): 80–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.5.80.100>
11. Морозова А. С., Карасев А. Т. Проблемы совершенствования федеративных отношений в России: закономерности и отклонения. *Конституционное и муниципальное право*. 2015. № 10. С. 27–31.
Morozova A. S., Karasev A. T. Problems of improving Federal relations in Russia: Regularities and deviations. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2015, (10): 27–31. (In Russ.)
12. Сарычева И. А. «Расползание» правовой системы – угроза конституционной безопасности России. *Федерализм*. 1997. № 4. С. 121–142.
Sarycheva I. A. The legal system is "falling apart", threatening the constitutional security of Russia. *Federalizm*, 1997, (4): 121–142. (In Russ.)
13. Сидоренко Е. Н. Министерство юстиции России и проблемы регионального правотворчества. *Юрист*. 2000. № 5. С. 7–10.
Sidorenko E. N. The Ministry of Justice of Russia and the problems of regional lawmaking. *Jurist*, 2000, (5): 7–10. (In Russ.)
14. Анненкова В. Г. Единство российского государства: проблемы конституционной теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 46 с.
Annenkova V. G. *Unity of the Russian state: problems of constitutional theory and practice*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2006, 46. (In Russ.)

15. Шахрай С. М. Потенциал Основного закона далеко не исчерпан. *Конституция и законодательство: по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29 октября 2003 г.)*. М.: Олита, 2003. Кн. 1. С. 45–54.
Shakhray S. M. The potential of the Basic Law is far from exhausted. *Constitution and legislation: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 29 Oct 2003*. Moscow: Olita, 2003, book 1, 45–54. (In Russ.)
16. Шарнина Л. А. Категория усмотрения в конституционном праве. М.: Проспект, 2017. 268 с.
Sharnina L. A. *Category of discretion in constitutional law*. Moscow: Prospekt, 2017, 268. (In Russ.)
17. Аничкин Е. С. Конституционная модернизация России 2020 года: точечные поправки или ревизия Основного закона? *Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета*. 2020. № 2. С. 23–27.
Anichkin E. S. Constitutional modernization of Russia in 2020: point amendments or revision of the Basic law? *Bulletin of the Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University*, 2020, (2): 23–27. (In Russ.)
18. Чулкин А. В. Дополнительные гарантии реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, устанавливаемые субъектами Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 239 с.
Chuklin A. V. *Additional guarantees for the implementation of constitutional rights and freedoms of man and citizen, established by the constituent entities of the Russian Federation*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2018, 239. (In Russ.)
19. Ерыгина В. И. Государственно-правовая доктрина о представительной природе политических партий: концептуальные закономерности и отклонения в практике их реализации. *Конституционное и муниципальное право*. 2015. № 8. С. 37–41.
Erygina V. I. State law doctrine of the representative nature of political parties: conceptual patterns and deviations in the practice of their implementation. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2015, (8): 37–41. (In Russ.)
20. Тихомиров Ю. А. Право официальное и неформальное. *Журнал российского права*. 2005. № 5. С. 80–87.
Tikhomirov Yu. A. Law formal and informal. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2005, (5): 80–87. (In Russ.)
21. Баранов В. М. Теневое право. Н. Новгород: НА МВД России, 2002. 165 с.
Baranov V. M. *Shadow law*. Nizhny Novgorod: NA MIR, 2002, 165. (In Russ.)
22. Пряхина Т. М. К вопросу о самодостаточности российской Конституции. *Конституционное и муниципальное право*. 2005. № 1. С. 7–9.
Pryakhina T. M. Self-sufficiency of the Russian Constitution. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2005, (1): 7–9. (In Russ.)
23. Гюлумян В. Г. Перспективы развития Российской Конституции. *Конституция Российской Федерации и развитие законодательства в современный период: мат-лы Всерос. науч. конф., ред. И. А. Конюхова*. М., 2003. Т. 1. С. 29–35.
Gyulumyan V. G. Prospects for the development of the Russian Constitution. *The Constitution of the Russian Federation and the development of legislation in the modern period: Proc. All-Russian Sci. Conf., ed. Koniukhova I. A.* Moscow, 2003, vol. 1, 29–35. (In Russ.)